

БЕССМЕРТНЫЕ МОЛЬЕРА

К 350-летию со дня рождения

УДОБНО расположившись в глубоком кресле, держа манускрипт в руках, Мольер читает только что законченную комедию своей служанке Лафоре, и лицо простой крестьянской девушки озарено светящейся улыбкой. Так великий французский комедиограф изображен на известной гравюре Леду. Существует легенда, что Мольер проверял свои произведения, читая их прежде всего этой девушке из народа. Гравюра в образной форме как бы раскрывала секрет огромной популярности и доходчивости мольеровских комедий, их разительной живости и веселости, непосредственности и галльского народного юмора — всего, что сразу увлекло демократического зрителя.

Долгие годы скитаний по провинции с труппой бродячих комедиантов дали Мольеру — актеру и драматургу — неоценимый жизненный материал для создания обширной галереи народных характеров. Теоретик французского классицизма Никола Буало учил:

Узнайте горожан,
придворных изучите;
Меж них старательно
характеры ищите.

Мольер шагнул за рамки этих предписаний: он в совершенстве знал не только двор и столицу, но и всю Францию, постиг мысли и чаяния разных слоев современного общества. В стихотворении «Городок» Пушкин говорит о «Мольере-исполнине», разумея под этим гигантскую силу воздействия мольеровских творений.

Каждый предшествующий век подготавливает грядущий, и не будь комедий Мольера, прославлявших народную сметку и обличавших пустых и заносчивых аристократов, быть может, не было бы ни театра эпохи Просвещения, ни Бомарше с его знаменитым Фигаро, ни драматургии эпохи революции. Мольеровские традиции были плотворно восприняты всеми последующими поколениями передовых писателей в разных странах Европы.

Сочувствие драматурга всегда на стороне ловких и умных героев из народа — слуг и служанок, блистательные образы которых живут в его пьесах. Дерзкими, но разумными поступками, здравым смыслом, благородством намерений и бескорыстием эти персонажи одерживают победу над лицемерными негодяями и пройдохами, обманщиками и авантюристами из высших сословий. Три с лишним столетия не сходят со сцены Сганарель («Дон Жуан», «Лекарь поневоле»), Скапен («Плутни Скапена»), Ковель («Мещанин во дворянстве»), Туанета («Мнимый больной»), Дорина («Тартюф») и многие другие герои из народных низов, ставшие нарицательными. Живое сопоставление холодного циника и себялюбца Дон Жуана с его слугой — добропорядочным Сганарелем — особенно подчеркивает контраст между пороком и добродетелью. А как возвышается своей моральной чистотой служанка Дорина и

над ханжеским обманщиком Тартюфом, и над глуповатым и набожным буржуа Оргоном, попадающим в сети святоши-лицемера! Недаром архиепископ парижский в особом послании запрещал исполнять, читать и слушать комедию «Тартюф» под угрозой церковного отлучения, недаром годами приходилось вести Мольеру борьбу за право поставить на сцене свои сатирические комедии. И под конец жизни драматурга церковь жестоко отомстила ему. Понадобилось вмешательство короля, чтобы Мольера похоронили не на свалке, а за кладбищенской оградой вместе с самоубийцами и преступниками. И только потомки отдали должное великому драматургу, перенесли его останки на кладбище Пер-Лашез и поставив памятник.

Людовик XIV, то опекавший Мольера, то беззащитно предававший его, хотел видеть в нем только придворного развлекателя. И следы этих сложных отношений проглядывают во второстепенных пьесах Мольера, притормозивших славащавых пасторалях и грубоватых фарсах, угождавших вкусам короля и его приближенных. Но бессмертие Мольера утвердили за ним его обличительные комедии, и прежде всего «Тартюф», «Дон Жуан» и «Мизантроп». По французской поговорке: «Смех убивает». Язывательный, ядовитый смех Мольера разил сильнее дворянской шпаги.

Белинский восторженно оценил очистительное свойство такого смеха Мольера:

«Человек, который мог страшно поразить перед лицом лицемерного общества ядовитую гидру ханжества, — великий человек! Творец «Тартюфа» не может быть забыт!»

Время подтвердило это высказывание великого русского критика. Не только герои его комедий остались жить, но многие их реплики и выражения сделались крылатыми словами и поговорками. Как Малый театр в Москве зовется Домом Щепкина, так прославленный парижский театр Комеди Франсез именуется Домом Мольера. Сменяются поколения артистов; репертуар пополняется новыми драматургами, но Мольер и французская классика всегда преобладают на сцене этого театра. «Тартюф», «Мещанин во дворянстве», «Ученые женщины», «Амфитрион», «Плутни Скапена» и «Мнимый больной» идут от сезона к сезону.

С начала XVIII века и по сегодняшний день театры нашей страны приносят зрителю новые актерские и режиссерские истолкования неуязвимых образов комического гения Мольера. К. Станиславский, давший своеобразную трактовку «Тартюфа», подчеркивал непреходящее значение этого образа Мольера:

«Его Тартюф — не просто господин Тартюф, а все человеческие Тартюфы, вместе взятые. Он описывает жизнь, про-

исшествие, частное лицо, а получается общечеловеческий порок или страсть».

В этих словах отмечена та обобщающая сила мольеровского реализма, которая сохраняет его произведения на протяжении столетий и делает их бессмертными. Многие великие русские актеры разных поколений — И. А. Дмитриевский, П. С. Мочалов, М. С. Щепкин, П. М. Садовский, С. В. Шумский, А. Е. Мартынов, В. Н. Давыдов, К. А. Варламов создали незабываемые образы мольеровских комедий, вошедшие в славную историю нашего театра.

Народная стихия мольеровских комедий, социальная направленность их идей служили и молодому советскому театру в первые послереволюционные годы.

Мне в ту пору не раз приходилось видеть мольеровские спектакли в наскоро оборудованных театрах на Украине. Помню, с каким напряженным вниманием следили зрители за разрыванием действия, и тогда по невольной, хоть и далекой ассоциации мне вспоминалась гравюра Леду и веселая служанка Лафоре, внимавшая остроумным диалогам комедии Мольера.

Не может уйти из памяти и выдающийся спектакль МХАТа «Тартюф» в постановке М. Н. Кедрова (по плану К. С. Станиславского), осуществленный в 1939 году. Образ Тартюфа, созданный М. Н. Кедровым, оставлял впечатление мрачной демоничности как символ мракобесия, и в контрасте с ним жил непосредственный, простоватый жизнью наивный и благородный Оргон (В. О. Топорков).

О Мольере на советской сцене написано немало, и каждый раз время вносит новые дополнения и новые версии. Об этом свидетельствует и оригинальная и современная трактовка «Тартюфа» в Московском театре на Таганке, и спектакль «Мещанин во дворянстве» в театре имени Евг. Вахтангова, и готовящаяся в Театре имени К. С. Станиславского в сценической редакции Лесья Танюка постановка «Мосье де Пурсоньяк» в форме современного мюзикла, и ряд других спектаклей столичных и периферийных театров.

Жизнь мольеровских героев продолжается.

Александр ДЕИЧ